

как сложение с первым компонентом žu- 'рыба'. Этимологической проблематике посвящена статья К. Кузавиниса. В короткой заметке М. Рудзите поднимается вопрос, важный также с точки зрения сравнительной индоевропеистики, — сохранились ли в латышском остатки древнего слова и значения *dukte* 'дочь'? В латышском, как известно, возобладали совершенно особое название дочери — *meita*, отличное от названия, представленного в остальных балтийских, в славянских и других индоевропейских языках. Следуют столь же конкретные и краткие заметки Э. Хэмпса — о лит. *šaukštas* 'ложка', А. Сабалюскаса — о лит. *kalė* 'сука' (автор допускает здесь обозначение по цвету, ср. лит. *kalývas, kalýbas* 'белый, о собачьей шее'). А. Ванас анализирует названия населенных пунктов от личных собственных имен.

Из раздела рецензий можно выделить отзыв Ю. В. Откупщикова о книге Ж. Перро по словообразованию латинских производных на *-men* и *-mentum*, а в этом отзыве — остроумное, но пока не кажущееся достаточно убедительным отождествление лат. *crimen* (<**kriksmen*) с гипотетическим лит. **kryksmuõ*/ *meñs*, производным от лит. *krýkti* 'кричать'.

Мы не говорим в этой короткой рецензии о целом ряде ценных статей, важных для литуанистики и балтистики, но не имеющих прямой связи с этимологией. Таких работ особенно много во втором выпуске рецензируемого III тома, где соответственно меньше место занимает собственно этимологические проблемы. Упоминания заслуживает небольшая статья Я. Отрембского о балт. **lėitā*, выступающем в гидронимии и легшем в основу названия страны *Lietuvà* 'Литва'. С. Каралионас анализирует происхождение лит. *katālyti/katāryti* 'колотить, бить', принимая, вслед за Шнехтом и Фасмером, этимологическую связь со ст.-слав. *кѡлѣти* 'мѣхѣ' и родственными славянскими формами. Однако допускать здесь наличие следов древнего индоевропейского гетероклитизма (*r:l*) пока нет особых оснований, поскольку, несмотря на упомянутую выше этимологию, у нас нет полной уверенности, что мы имеем здесь дело с достаточно древним словом. Б. Лаумане дает описание названий ветров в латышском языке.

О. Н. Трубачёв

Ф. Bezlaž. Eseji o slovenskem jeziku.

Ljubljana, 1967

Небольшая популярная книга крупнейшего словенского лингвиста акад. Франце Безлая, изданная издательством молодежной литературы и рассчитанная на массового читателя-словенца, вполне заслуживает того, чтобы ей заинтересовались самым серьезным образом лингвисты, этимологи, причем не только словенисты, но и слависты вообще. Автор нашел удачную форму беседы с читателем, позволяющую ему доступно изложить множество научных сведений, а также немало новых этимологий.

Публикации этой книги предшествовало появление на страницах популярного в Словении литературного и общественно-политического журнала «Товариš» десяти очерков Ф. Безлая под общим названием «Блеск и нищета словенского языка». В несколько переработанном виде они вошли и в рецензируемую нами книгу, составив ее первую часть. Пожалуй, именно эту часть можно признать наибольшей удачей Безлая — популяризатора науки. Вопросы образования литературного языка, словенский литературный язык и диалекты, формирование литературной лексики и терминологии, иноязычное влияние и его преодоление, культурный словенский язык в кругу других славянских языков — все эти и ряд других вопросов автор умеет сделать близкими любому культурному словенцу-нефилологу. Научные истины автор не боится рассказывать языком журналистики, черпая подчас образные

сравнения, так сказать, из последних газетных сообщений. Так, появление славян на исторической арене и их стремительное распространение почти что на двух третях Европы с IV по VIII в. н. э. он сравнивает с тем, как нефть разливается по морю.

Несколько далее, говоря об однородности славянского языка VIII в., Ф. Безлай видит в нем подобие современного American English.

Интересно и живо написанные очерки первой части работы выходят, однако, несколько за рамки проблематики, предпочтительно обсуждаемой на страницах ежегодника «Этимология», поэтому позволим себе перейти ко второй части, носящей название «Лингвистические рассказы о словенском этногенезе». Здесь тоже содержится ряд очерков, но они все, кроме одного (очерк IX: «Словенский именотворческий процесс»), печатаются впервые. Обращает на себя внимание насыщенность каждой страницы прежде всего лексическим материалом, словами словенских диалектов. На этом, а также на ономастическом материале, знатоком и глубоким исследователем которого Безлай является в меньшей степени, он разворачивает широкую этимологическую перспективу, подчиненную здесь разъяснению единственного по своей сложности и важности вопроса — этногенеза словенского народа. Конечная задача лексиколога и этимолога — вскрыть ненаписанную историю культурного, общественно-политического и идейного развития народа. Этой цели посвящены практически все разделы второй части книги, о чем свидетельствуют уже названия: «Дославянский ономастический субстрат в словенском языке»; «Дославянский лексический субстрат в словенском языке»; «Следы праславянского смешения в словенском языке».

Существенный тезис, формулируемый автором и определяющий его понимание праславянского прошлого, словенского языка, звучит следующим образом: «Важно, что в словенском языке рядом друг с другом живут все праславянские фонетические варианты, легко прослеживаемые нами по обширному славянскому миру» (стр. 107).

Основной метод, применяемый Безлаем в его исследовании, — выявление преимущественно сепаратных лексико-словообразовательных изоглосс, связывающих словенский с другими частями славянского, а за его пределами — с балтийским главным образом. Этот метод вполне современен, хотя и не нов в славистике. Соответствующий материал и наблюдения автора содержатся в разделах «Балтийско-словенские параллели», «Словенско-восточнославянские лексические параллели», «Западнославянско-словенские лексические параллели». Несмотря на то, что перед нами небольшая научно-популярная книга, в ней собран весьма богатый материал, множество лексических сопоставлений дается здесь впервые. В настоящей краткой рецензии мы вынуждены отказать от сколько-нибудь подробного описания или критического комментирования этого материала. Общее замечание, которое необходимо здесь высказать, заключается в следующем: говоря о лексических соответствиях, изоглоссах, автор не делает различия между общими архаизмами и общими инновациями, а между тем одно это сводит на нет самый факт общности. По этой причине, несмотря на мобилизацию значительного нового лексического материала, мы едва ли заметно продвигаемся вперед в выяснении древних связей словенского. Разумеется, пионерская сборочная деятельность автора заслуживает дальнейших исследований вопроса, а его теоретические положения (например, об альпийско-славянской смеси диалектов как основе словенского языка) достойны дальнейшего изучения. Второе, в чем можно упрекнуть автора, это то, что он усматривает сепаратные изоглоссы нередко в тех случаях, когда уместнее говорить о более обширных ареалах или даже об общеславянском распространении. Подобные примеры известны из собственной практики каждому, кто занимается сравнительно-историческим и ареальным исследованием славянской лексики. Винить здесь приходится в первую очередь состояние славянской этимологической и лексикологической науки в целом. Так, на стр. 81—82 Безлай говорит об отражении праслав. **smьldje* только применительно к западнославянским и словенским названиям различных болот-

ных растений и можжевельника (ср. словен. диал. *smolje* 'Juniperus, можжевельник'). Между тем ничто не мешает нам отнести сюда же и трудное русск. *можжевельник* 'Juniperus', до сих пор удовлетворительно не протимологизированное, которое продолжает в таком случае *(с)молж- < *smǫldj-. На стр. 148 к числу «типично западнославянских слов» относится словен. *ger*, хотя тут же сам автор приводит украинское соответствие (есть, впрочем, и другие восточнославянские родственные формы, как это было недавно показано на примере русского названия птицы *репел*, *реполов*), а наличие южнославянского — сербохорв. *reŋ* 'хвост' почему-то обойдено молчанием в книге.

Безлай уделяет, по понятным причинам, много внимания архаичности словенского языка, именно эта черта ставит словенский язык в ряд наиболее интересных (стр. 156). В этой связи можно было бы вспомнить об известной теории Копитара и главным образом Миклошича о словенском языке как прямом продолжении старославянского¹, о чем, видимо, автор не пожелал упомянуть в этой популярной книге, поскольку названная теория давно оспорена и сочтена ошибочной. Между тем для Миклошича архаичность словенского была именно проявлением близости к старославянскому. Если верно, что в своей классической форме его теория должна быть оставлена, то верно также и то, что отдельные моменты едва ли могут быть так легко оспорены. Ср. то обстоятельство, что Фрейзингенские отрывки — это одновременно памятник словенского языка и старославянский памятник. Сложный характер языка старославянской письменности позволяет говорить, как известно, и о македонской первооснове, и о чешско-моравских элементах, и о панноско-славянском вкладе, и о восточноболгарской редакции. Ни один из этих компонентов нельзя недооценивать. Миклошич как лексиколог не мог не видеть лексических тождеств старославянского и словенского, это и побудило его отстаивать то, что в последующей славистике слывет как его великое заблуждение.

Вернемся к рецензируемой книге. Для пелингвистического издания она издана и отредактирована в общем достаточно тщательно. Есть, впрочем, ряд неточностей или опечаток. На стр. 58 дано праслав. **tolkno*, следовало бы писать **tolkъno*; на стр. 84 нужно было отметить, что русск. *брань* заимствовано из церковнославянского; стр. 102: надо лат. *cogitare*, а не *cegitare*. Трудно согласиться с автором, когда он утверждает, что словен. *ih̃ta* получено регулярным фонетическим путем из **ǰь(d)chta* < **ǰudsta* (стр. 117), потому что *s* в группе *st*, конечно, сохранилось бы без изменений. Мелких и, видимо, случайных опечаток в формах разных языков мы здесь не касаемся. Нельзя, однако, не отметить ошибочного написания отдельных балтийских слов, см., например, стр. 128, где читаем лит. *gėlė* (должно быть *gėlė*) и лтш. (!) *žolē* (наверное, имелось в виду лит. *žolė* 'трава'). Частных случаев своего несогласия с автором в оценке этимологии и словообразования тех или иных слов мы здесь опять-таки не касаемся. Следует указать, пожалуй, лишь на то, что в др.-русск. *Житомель* — суфф. *-жь*, а не *-ъль* (см. стр. 160). В целом же книга Безлая — прекрасный образец научной популяризации, и ее значения не должны умять небольшие критические наблюдения, сообщенные здесь нами.

О. Н. Трубочёв

¹ Ср., например: F. B e z l a j. Franz Miklosich. — «Frankfurter Buchmesse. September 1964. Katalog No. 2. Auswahl jugoslawischer Literatur 1960—1964», стр. 9, 15.